

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ГЛАГОЛА *ǰuaǰ* ‘БРОСИТЬ’: ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ БРОСКОВ?*

Ф. В. Голосов

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Статья посвящена грамматикализации глагола *ǰuaǰ* ‘бросить’ в горномарийском языке. В статье производится попытка построить анализ структуры события лёгкого глагола *ǰuaǰ*, предсказывающий как его селективные ограничения, так и семантику образованных сложных глаголов. Кроме того, автор сравнивает устройство лёгкого глагола с лексическим и приходит к выводу, что его устройство в значительной мере предсказывается устройством его лексического источника, глагола *ǰuaǰ* ‘бросить’.

Ключевые слова: сложные глаголы, лёгкие глаголы, сериализация, грамматикализация глагола со значением ‘бросить’, структура события, акциональность.

* Данные без указанного источника, на основе которых была построена эта статья, были собраны в ходе горномарийских экспедиций в село Микряково 2017–2019 гг. Все цитируемые примеры унифицированы под нашу систему глоссирования.

Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах».

Автор благодарен Е. В. Кашкину за ознакомление с работой, высказанные ценные замечания и указанные неточности. Возможные ошибки остаются на совести автора.

GRAMMATICALIZATION OF THE VERB ŠUAŠ ‘THROW’: WHAT IS LEFT OF THROWS?*

Fedor Golosov

National Research University Higher School of Economics

The aim of this article is to give an analysis of Hill Mari light verb *šuaš* ‘to throw’, which would predict both selective restrictions of the light verb and semantics of derived complex predicates. Additionally, author compares the grammaticalized verb with its lexical source and argues that many properties of the light verb are predictable from its lexical meaning.

Keywords: complex predicates, light verbs, serialization, grammaticalization of verb with meaning ‘throw’, event structure, actionality.

* This article is based on data collected in Hill Mari expeditions in village Mikryakovo in 2017–2019 years. All the cited data are unified according to our glossing system.

The work is supported by the RFBR grant 19-012-00627 “Syntax and semantics of Uralic and Altaic languages; functional-typological and formal perspectives”.

Author is grateful to E. Kashkin who has read the text of this paper and commented on it. Author is responsible for all undetected mistakes.

1. Введение

Настоящая статья посвящена грамматикализации глагола *šuaš* ‘бросать’ в горномарийском языке. Этот глагол, описывающий в своём лексическом употреблении ситуацию каузации движения по воздуху (1a), также употребляется в качестве акционального модификатора, как в (1b):

- (1) a. *vas'a küer-əm väd-əš šu-en*
 Вася камень-ACC вода-III бросить-PRF[.3SG]
 ‘Вася **бросил** камень в воду.’
- b. *vas'a lādâ-m lü-en šu-en*
 Вася утка-ACC стрелять-CVB бросить-PRF[.3SG]
 ‘Вася **застрелил** утку.’

Так, в примере (1b), в отличие от примера (1a), *šuaš* не описывает собственную ситуацию, а лишь некоторым образом взаимодействует с ситуацией, описываемой глаголом *lüäš* ‘стрелять’ — а именно, как мы увидим позже, обозначает исчерпанность действия, в данном случае проявляющуюся в гибели утки.

В примере (1b) мы видим сложный глагол — конструкцию, формально состоящую из двух глагольных форм (главного глагола и зависящего от него деепричастия), но описывающую одно событие. Деепричастную форму, задающую идиосинкратические свойства ситуации, описываемой глаголом, мы дальше будем называть лексическим глаголом, а главный глагол, утративший своё лексическое значение, превратившись в модификатор деепричастия — лёгким глаголом.

Сложные глаголы — характерная черта многих тюркских языков [Гращенко 2015], и появлению аналогичных конструкций в марийских языках, по всей видимости, способствовали контакты с соседними тюркскими языками (см. [Bradley 2016] и приведённые там ссылки). Согласно [Bradley 2016], в горномарийском языке в разной степени грамматикализировалось до 66 лёгких глаголов, развивших различные акциональные, директивные и аппликативные значения.

Лёгкий глагол *šuaš* относится к числу акциональных модификаторов, образующих предельные сложные глаголы, которые также называют телисизаторами [Голосов (в печати)]. Ещё в первых работах, посвящённых

этому глаголу [Чхаидзе 1960; Пенгитов и др. 1961], очерчиваются его основные селективные и семантические свойства. Так, например, согласно [Пенгитов и др. 1961], глагол *šuaš* «образует составные глаголы от некоторых переходных глаголов и придаёт им видовое значение однократности, стремительности совершения действия» [ibid.: 206].

Лёгкому глаголу *šuaš* посвящены также недавние описательные работы [Голосов (в печати); Кашкин 2018a; Кашкин 2018b], в которых были детально разобраны селективные ограничения лёгкого глагола и семантические особенности образуемых сложных глаголов. Кроме того, в работе [Кашкин 2018b] впервые используется лексикотипологический подход к объяснению семантики лёгкого глагола *šuaš*: автор пытается объяснить семантические и дистрибуционные особенности лёгких глаголов *šuaš* и *käškäš* лексическими свойствами глаголов-источников, в частности, тем, как они распределены по семантическому полю бросания.

Тем не менее, несмотря на огромное количество накопленных знаний об устройстве *šuaš*, все вышеперечисленные работы носили скорее описательный характер. Цель настоящей статьи — построить анализ лёгкого глагола *šuaš*, который способен одновременно объяснить и селективные ограничения телисизатора, и его семантические особенности, а также попытаться объяснить, продолжая линию в [Кашкин 2018b], как устройство лёгкого глагола связано с его лексическим источником.

Статья устроена следующим образом. После вводного раздела 1 следует раздел 2, посвящённый данным по глаголу *šuaš*. В разделе 3 мы кратко излагаем основные постулаты используемой нами теории — синтаксиса первой фазы, а в разделе 4 приводим наш анализ устройства лёгкого глагола *šuaš*. Раздел 5 посвящён общим выводам статьи.

2. Данные

Глагол *šuaš* грамматикализовался в акциональный модификатор, образующий пунктивные сложные глаголы со значением исчерпанности действия [Голосов (в печати); Кашкин 2018a]:

- (2) a. *pi tädä-m vəc minut-äštä pâr-ân šu-š*
 пёс тот-ACC 5 минута-IN кусать-CVB бросить-AOR[.3SG]

‘Собака искусала его за пять минут.’

- b. **pi tädä-m vəc minut pər-ən šu-š*
 пёс тот-ACC 5 минута кусать-CVB бросить-AOR[.3SG]
 Ожидаемое значение: ‘Собака кусала его **пять минут.**’

У этого лёгкого глагола очень строгие селективные ограничения: он сочетается только с такими лексическими глаголами, которые обозначают процесс и присоединяют прямое дополнение-Пациенса, притом Пациенса в узком смысле, то есть участника, терпящего изменение состояния в ходе процесса [Голосов (в печати); Кашкин 2018a]:

- (3) a. *vas'a pet'a-m pükt-en šu-š*
 Вася Петя-ACC душить-CVB бросить-AOR[.3SG]
 ‘Вася **задушил** Петю.’
- b. **vas'a kn'igä-m läd-ən šu-š*
 Вася книга-ACC читать-CVB бросить-AOR[.3SG]
 Ожидаемое значение: ‘Вася **прочитал** книгу.’
- c. **tädä cilä t'et'ä-m jarat-en šu-š*
 тот весь ребёнок-ACC любить-CVB бросить-AOR[.3SG]
 Ожидаемое значение: ‘Он всех детей **полюбил.**’
- d. **pört oxər-em-∅ šu-š*
 дом пустой-INCH-CVB бросить-AOR[.3SG]
 Ожидаемое значение: ‘Дом **опустел.**’

Глаголы с пациентивным участником, которые сочетаются с *šuaš* в общем случае — это, прежде всего, глаголы разрушения, а также глаголы физического воздействия, которые в сочетании с *šuaš* также обозначают ситуацию разрушения или серьёзного повреждения объекта [Голосов (в печати); Кашкин 2018b]:

- (4) a. *vas'a šärtä-m kər-ən šu-š*
 Вася нитка-ACC рвать-CVB бросить-AOR[.3SG]
 ‘Вася **порвал** нитку.’
- b. *vas'a pi-m čəm-en šu-š*
 Вася пёс-ACC пинать-CVB бросить-AOR[.3SG]
 ‘Вася **испинал** собаку (до смерти или до потери сознания).’

- с. *vas'a vedärä-m čəm-al-∅ šu-š*
 Вася ведро-ACC пинать-SMF-CVB бросить-AOR[.3SG]

‘Вася **пнул** ведро (так сильно, что оно как-то пострадало).’

Другая группа глаголов, которая сочетается с *šuaš* в общем случае — это глаголы удаления пациентивного участника [Кашкин 2018b], не обязательно связанные с его уничтожением, такие как *jogtaraš* ‘лить’, *pačkaltaš* ‘страхивать’, *māškaš* в значении ‘смывать’ (пример взят из [Кашкин 2018b: 118–119]):

- (5) а. *män' peckä gəc-ən l'ävärä-n väd-əm*
 я бочка из-FULL грязь-PROP вода-ACC

jog-tar-en šu-en-äm
 течь-TR-CVB бросить-PRF-1SG

‘Я **вылил** из бочки грязную воду.’

- б. **män' jog-tar-en šu-en-äm vedärä-š*
 я течь-TR-CVB бросить-PRF-1SG ведро-ILL

itärä väd-əm
 чистый вода-ACC

Ожидаемое значение: ‘Я **налил** в ведро чистую воду.’

Кроме того, в особых условиях *šuaš* может сочетаться и с некоторыми другими лексическими глаголами с дополнением-Пациенсом. Так, в сочетании с переходными глаголами, не предполагающими серьёзного изменения состояния объекта, такими, как глаголы обработки пациентивного участника типа *māškaš* ‘мыть’ и *ut'užāš* ‘гладить’ (здесь мы используем название этого класса глаголов, удачно подобранное в [Кашкин 2018b]) и глаголы смены собственности типа *vəžalaš* ‘продать’ [Кашкин 2018b], лёгкий глагол *šuaš* сочетается в общем случае при условии множественности объекта (примеры (6c) и (6d) взяты из [Кашкин 2018b]):

- (6) а. **vas'a miskä-m māšk-ən šu-š*
 Вася тарелка-ACC мыть-CVB бросить-AOR[.3SG]

Ожидаемое значение: ‘Вася помыл **тарелку**.’

- б. *vas'a cilä miskä-m māšk-ən šu-š*
 Вася весь тарелка-ACC мыть-CVB бросить-AOR[.3SG]

‘Вася перемыл **все тарелки**.’

- c. [?]*vas'a toma-žə-m vāžal-en šu-en*
 Вася дом-POSS.3SG-ACC продавать-CVB бросить-PRF[.3SG]
 'Вася продал дом.'

- d. *vas'a cilä kn'igä-žə-m vāžal-en šu-en*
 Вася весь книга-POSS.3SG-ACC продавать-CVB бросить-PRF[.3SG]
 'Вася **все свои книги** распродал.'

В группу глаголов, с которыми *šuaš* сочетается при условии множественности объекта, входят и глаголы созидания, но на них накладывается дополнительное ограничение, сформулированное в [Кашкин 2018b] — создаваемый объект должен находиться в прагматической пресуппозиции в понимании [Lambrecht 1994], см. пример из [Кашкин 2018b: 121]:

- (7) ^{ok}*tagačə mən' koclə sir-mäš-ge*
 сегодня я 20 писать-NMN.ACT-COM
- sir-en šu-en-äm*
 писать-CVB бросить-PRF-1SG
 'Сегодня я написала **все 20 писем.**'

Значение исчерпанности действия, которое имеют сложные глаголы с *šuaš*, может реализовываться по-разному в зависимости от устройства лексического глагола. Так, в сочетании с глаголами, предполагающими моментальное изменение состояния пациенса, в частности, со многими глаголами разрушения объекта, лёгкий глагол *šuaš* образует сложные глаголы со значением затронутости участника, то есть нанесения ему серьёзных изменений (см. [Голосов (в печати)]). Это хорошо видно на примере глаголов физического воздействия, допускающих, но не требующих изменения состояния объекта, таких, как глагол *čəmalas* 'пнуть':

- (8) a. *tədə vedärä-m čəm-al-ən*
 тот ведро-ACC пинать-SMF-PRF[.3SG]
 'Он **пнул** ведро.'
- b. *tədə vedärä-m čəm-al-∅ šu-š*
 тот ведро-ACC пинать-SMF-CVB бросить-AOR[.3SG]
 'Он **пнул** ведро (и ведро как-то пострадало).'

Как можно заметить по контрасту примеров (8a) и (8b), сложный глагол *č̣amal šuaš* накладывает дополнительные ограничения на экстенционал предложения: оно может описывать только те ситуации, в которых пинок произвёл на ведро некоторое деструктивное влияние.

Другой тип исчерпанности объекта — это полнота охвата [Голосов (в печати); Кашкин 2018a], или собственно исчерпанность действия, как в (9):

- (9) *tädä l'istok-âm sir-en šu-š*
 тот листок-АСС писать-СВВ бросить-АОР[.3SG]
 'Он **исписал** листок.'

Так, в примере (9) сложный глагол *siren šuaš* описывает ситуацию, в которой продолжение действия 'писать на листке' невозможно, поскольку объект процесса исчерпался, на нём больше нет места для новых записей.

В сочетании с некоторыми глаголами уничтожения лёгкий глагол *šuaš* может обозначать как затронутость, так и исчерпанность действия:

- (10) a. *tädä putaga-m kâšked-ân*
 тот бумага-АСС рвать-PRF[.3SG]
 'Он **порвал** бумагу.'
- b. *tädä putaga-m kâsked-∅ šu-š*
 тот бумага-АСС рвать-СВВ бросить-АОР[.3SG]
 1. 'Он **порвал** бумагу (лист бумаги).'
2. 'Он **изорвал** бумагу в клочья.'

Итак, лёгкий глагол *šuaš* — это акциональный модификатор, образующий от некоторых переходных процессов с пациентивным объектом пунктивные сложные глаголы со значением исчерпанности действия. Наша следующая задача — предложить анализ структуры события лёгкого глагола, который мог бы предсказать такие строгие лексические требования телисизатора, а также его семантику исчерпанности.

3. Синтаксис первой фазы

Теория, в рамках которой мы собираемся предложить анализ — синтаксис первой фазы. Это теория акциональной декомпозиции, согласно которой структура события глагола является синтаксически сложной. Так, согласно

[Ramchand 2008], в синтаксисе представлены 3 событийных вершины: *init*, вводящая каузирующее подсобытие, *proc*, вводящая подсобытие процесса и/или изменения состояния, и *res*, вводящая результирующее состояние. При каждой событийной вершине содержится её спецификатор — главный участник подсобытия: у *init* это Инициатор¹, то есть участник, производящий каузирующую деятельность, у *proc* это Претерпевающий — участник, изменяющийся в ходе действия процесса, а у *res* это Носитель результирующего состояния.

В комплементе событийные вершины могут содержать либо каузально зависимые от них событийные группы (так, в простом случае *init* содержит в комплементе *procP*, а *proc* — *resP*), либо так называемые Ремы — группы некоторого типа, тесно связанные с семантикой подсобытия и определяющие его акциональные свойства. Так, например, комплементом вершины *proc* может выступать именной или предложный инкрементальный аргумент, определяющий мереологические свойства ситуации — так называемый Путь. Путь отличается от Претерпевающего тем, что часто не обязан выражаться поверхностно, а также не обязан существовать до начала действия — см. дискуссию о глаголах созидания в [Ramchand 2008: 76–78]. Другой тип инкрементального аргумента — инкрементальное свойство, которое задаёт шкалу изменения состояния для Претерпевающего процесса. Глаголы, содержащие в комплементе *proc* инкрементальное свойство, например, глаголы *dry* ‘сохнуть’ и *freeze* ‘замерзнуть’, называются градативами (*degree achievements* [Ramchand 2008: 98–100]).

Максимальную проекцию событийной структуры в рамках синтаксиса первой фазы можно видеть на рисунке 1 на странице 63.

К сожалению, у нас нет возможности подробно рассмотреть типологию событийных структур, создаваемую синтаксисом первой фазы. Отметим только, что параметры, с помощью которых эта теория описывает разнообразие структурно-событийных типов — это набор вершин, набор аргументов и наличие/отсутствие отношения коиндексации между ними. Так, например, неэргативные и переходные глаголы различаются по параметру кореферентности Инициатора и Претерпевающего, а неэргативы и неаккузативы отличаются тем, что у первых есть событийная вершина *init*, а у вторых — нет.

¹ Здесь и далее мы следуем переводу, предложенному в [Лютикова и др. 2006].

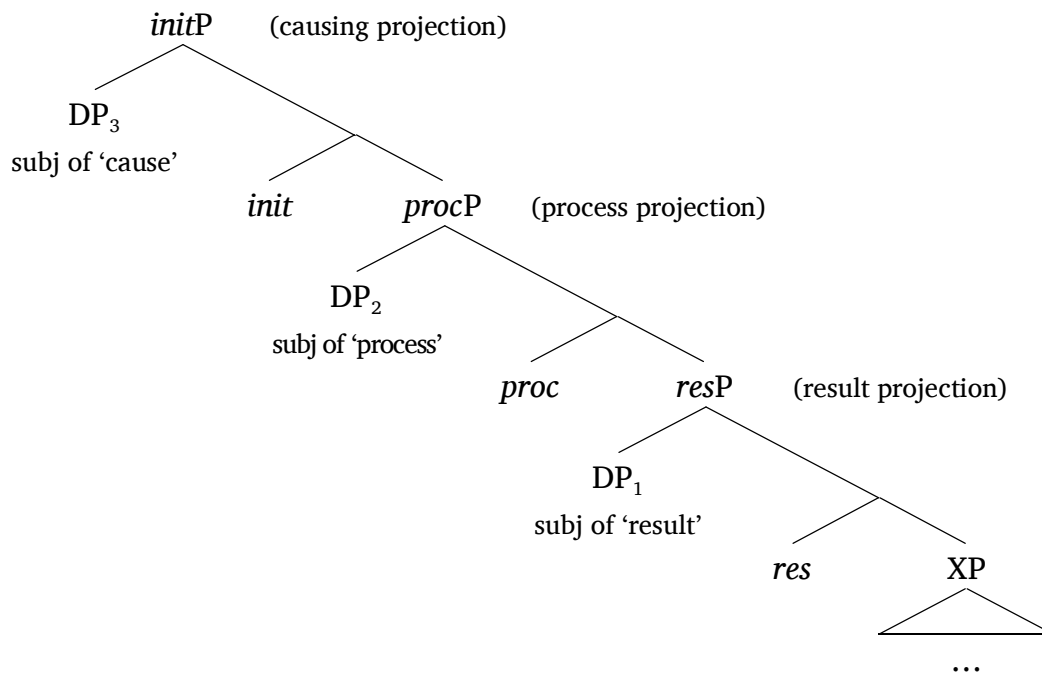

Рисунок 1. Синтаксис первой фазы [Ramchand 2008: 46]

Синтаксис первой фазы оказывается хорошим инструментом формализации языковых явлений, пограничных между синтаксисом и лексической семантикой. В рамках синтаксиса первой фазы можно предположить следующее: лёгкие глаголы «тюркского» типа — это такие глаголы, которые утратили способность обозначать собственную ситуацию (поэтому им нужно деепричастие, чтобы получить идиосинкратический компонент значения в понимании [Rapaport-Hovav&Levin 1998]), но в той или иной мере сохранили собственную структуру события, причём эта структура события предопределяет свойства сложного глагола.

В нашей работе мы будем также исходить из предположения, что лёгкий глагол *şuaş* в той или иной мере сохранил структуру события, которая определяет одновременно и лексические ограничения телесизатора, и семантику образованных сложных глаголов. В следующем разделе мы попробуем выявить эту структуру события, обращая внимания на селективные предпочтения лёгкого глагола и вносимые им семантические изменения.

Перед тем, как перейти к следующему разделу, мы должны сделать важную оговорку: в рамках настоящей статьи мы остаёмся агностичны относительно того, как именно синтаксически образуется сложный глагол. Мы лишь следуем изложенному выше предположению, что событийная структура сложного глагола состоит из событийной структуры лёгкого глагола и идиосинкратического компонента лексического глагола.

4. Анализ

Строгие требования лёгкого глагола *šuaš*, контролирующие переходность глагола и пациентивность объекта, по всей видимости, можно объяснить тем, что *šuaš* сохранил в своей структуре событийные вершины *init* и *proc* с некоиндексированными Инициатором и Претерпевающим. Так, обязательное требование динамичности ситуации, а также наличия агентивного и пациентивного участников, указывает на наличие событийных вершин *init* и *proc*, а также на обязательное наличие Инициатора и аргумента процессуального подсобытия, изменяющего своё состояние — Претерпевающего или Пути. В пользу того, что лёгкий глагол *šuaš* требует наличия именно Претерпевающего, а не Пути, говорит следующее обстоятельство: телесизатор не образует сложные глаголы от глаголов с инкрементальным участником, не претерпевающим изменение состояния, например, глаголами ментальной обработки темы типа *lādaš* ‘читать’. В пользу этого же говорит и то, что *šuaš* требует от глаголов созидания наличия множественного объекта в прагматической пресуппозиции. Так, создаваемая сущность может занимать позицию Претерпевающего только в том случае, если она существовала в качестве идеи ещё до процесса — тогда про неё так же, как и про другие процессы с пациентивным участником, можно сказать, что она изменила своё состояние, превратившись из идеи в материальную сущность.

Есть ли в структуре события лёгкого глагола результирующее состояние? Ответ на этот вопрос не представляется очевидным. С чисто семантической точки зрения, лёгкий глагол *šuaš*, конечно, вводит состояние исчерпанности, как мы могли видеть в предыдущем разделе. Но как это значение должно выводиться из событийной структуры? Одно из возможных объяснений заключается в том, что в комплементе процессуального подсобытия находится шкала исчерпанности, то есть глагол *šuaš* представляет из себя градатив, описывающий максимальную степень изменения состояния объекта по некоторой шкале исчерпанности. Однако против такого анализа говорит то, что лёгкий глагол *šuaš* не сочетается с градативами (по крайней мере при условии единичности объекта), даже в том случае, если они работают с закрытыми шкалами, способствующими значению исчерпанности:

- (11) **vas'a vārgem-əm košt-en šu-š*
 Вася одежда-ACC сушить-CVB бросить-AOR[.3SG]
 Ожидаемое значение: 'Вася **высушил** бельё.'

С другой стороны, наличие шкалы оказывается и вовсе необязательным. Так, глагол *šuaš* образует сложные глаголы от таких антиинкрементальных [Татевосов 2015] глаголов, как *puštaš* 'убить' и *kārāš* 'порвать'.

- (12) a. *tädä šärtä-m vəc minut kār-ən*
 тот нитка-ACC 5 минута рвать-PRF[.3SG]
 'Он рвал (= **пытался порвать**) нитку пять минут.'
- b. *tädä šärtä-m kār-ən*
 тот нитка-ACC рвать-PRF[.3SG]
 'Он **порвал** нитку.'
- c. *tädä šärtä-m kār-ən šu-š*
 тот нитка-ACC рвать-CVB бросить-AOR[.3SG]
 'Он **порвал** нитку.'

Как показывает (12a), длительная интерпретация глагола *kārāš* — это череда неудачных попыток изменить состояние нитки. Вместе с тем этот глагол в своей предельной интерпретации описывает мгновенное изменение состояния верёвки — как в (12b). Несмотря на то, что изменение состояния нитки наступает только по завершению инициирующего подсобытия, этот лексический глагол сочетается с *šuaš*, как показано в (12c).

Ещё один возможный источник значения исчерпанности — это наличие событийной вершины *res* с соответствующим значением. В таком случае предел действия определяется моментом, когда Претерпевающий становится Носителем состояния исчерпанности, то есть тогда, когда продолжение изменения его состояния невозможно или не приносит контекстно релевантного результата. Такая событийная структура не противоречит ни сложным глаголам с антиинкрементальными лексическими глаголами типа *puštaš* 'убить' и *kārāš* 'порвать', ни сложным глаголам со значением полноты охвата, как *siren šuaš* 'исписать' или *čāten šuaš* 'испинать'. Кроме того, она объясняет, почему у глаголов физического воздействия типа *čāmalāš* 'пнуть' возникает интерпретация затронутости: лёгкий глагол навязывает такую интерпретацию, согласно которой физическое воздействие достигло успеха, и больше попыток не потребуется.

Однако надёжно проверить сложные глаголы с *šuaš* на наличие результирующего состояния, к сожалению, не представляется возможным: в подавляющем большинстве случаев лёгкий глагол *šuaš* сочетается с глаголами уничтожения, которые не предполагают временный характер результирующего состояния, а значит, к нему не получится применить традиционные тесты, такие как модификация обстоятельством длительности или включение в сферу действия репетитивного оператора.

Итак, мы знаем, что лёгкий глагол *šuaš* имеет в своей структуре события событийные вершины *inĩt* и *proš*, а также обязательных Инициатора и Претерпевающего, не кореферентных друг другу. Кроме того, возможно, в структуре события лёгкого глагола есть событийная вершина *res*, привносящая семантику исчерпанности действия.

Однако даже в таком «строгом» виде анализ событийной структуры лёгкого глагола *šuaš* делает слишком слабые предсказания. Например, он не способен объяснить, почему *šuaš* не может образовать сложные глаголы в сочетании с глаголами обработки пациентивного участника типа *ut'užāš* 'гладить' или *māškaš* 'мыть':

- (13) **vas'a miskä-m māšk-ən šu-š*
 Вася миска-ACC мыть-CVB бросить-AOR[.3SG]
 Ожидаемое значение: 'Вася **вымыл** тарелку.'

Так, ситуация мытья полностью удовлетворяет предложенной нами схеме событийной структуры: агентивный участник изменяет состояние отличного от него пациентивного участника до максимально возможной степени. Тем не менее, глагол *māškaš* 'мыть' сочетается с *šuaš* только при условии множественности объекта:

- (14) *vas'a cilä miskä-m māšk-ən šu-š*
 Вася весь тарелка-ACC мыть-CVB бросить-AOR[.3SG]
 'Вася перемыл **все тарелки**.'

За счёт чего возникает такое ограничение? Очевидно, анализ, в котором лёгкий глагол *šuaš* требует обязательности множественного участника, будет делать неправильные предсказания, поскольку *šuaš* не требует множественности участника от глаголов уничтожения и удаления пациентивного участника.

Согласно нашему анализу, причиной такого ограничения служат дополнительные требования лёгкого глагола *šuaš* к процессуальному подсобытию. Так, мы предполагаем, что глагол *šuaš* требует от процессуального подсобытия лексического глагола, чтобы то имело свойство атомарной референции (как оно определено в статье М. Крифки [Krifka 1989] и позднее применено в [Лютикова и др. 2006] для описания семантики мультипликативных глаголов), то есть было представлено в виде совокупности из одного или более атомарных подсобытий. Атомарное подсобытие мы, следуя идее Крифки о понятии атома [Krifka 1989: 78], определяем следующим образом:

- (15) Подсобытие e события, описываемого предикатом P , называется атомарным, если никакую собственную часть этого подсобытия нельзя описать с помощью предиката P .

Предлагаемое в нашем анализе требование лёгкого глагола *šuaš* к процессуальному подсобытию в более точном виде звучит следующим образом:

- (16) Процессуальное подсобытие, описываемое в сложном глаголе, должно быть представлено в виде суммы одного или более атомарных подсобытий e , изменяющих Претерпевающего до такой степени, что продолжение цепочки подсобытий e_1, e_2, \dots, e_n с помощью ещё одного подсобытия e_{n+1} невозможно или не приносит контекстно релевантного результата.

Наличие такого требования, наконец, способно объяснить, почему лёгкий глагол *šuaš* сочетается с глаголами обработки пациенса типа *tāškaš* ‘мыть’ только в случае множественности объекта. Так, когда Вася моет всего лишь одну тарелку, предел процесса задаётся результирующим состоянием ‘тарелка вымыта’, а собственно процессуальное подсобытие можно охарактеризовать как ‘тарелка моется’. Это подсобытие не обладает свойством атомарной референции, поскольку его нельзя представить в виде совокупности аналогичных друг другу атомарных подсобытий: всякая часть этого события может быть описана как ‘тарелка моется’.

Ситуация ‘Вася вымыл все тарелки’ устроена принципиально иначе. Так, мы имеем атомарные подсобытия, каждое из которых можно охарактеризовать как ‘тарелку помыли’, и последнее такое подсобытие e_n — это ‘помыли последнюю тарелку’. После того, как была вымыта последняя

тарелка, завершилось более глобальное событие — мытьё множества из десяти тарелок, и вымыть ещё одну тарелку не представляется возможным. В случае эксплицитного указания на неполноту охвата предложение со сложным глаголом вызывает трудности у некоторых носителей, см. пример из [Кашкин 2018a: 121]:

(17) *ʔmən' lu törölkä-m mǎšk-ən šu-en-äm,*
я 10 тарелка-ACC мыть-CVB бросить-PRF-1SG

vǎz-ät eše kod-ən

5-FULL ещё оставаться-PRF[.3SG]

‘Я 10 тарелок вымыл, **5 ещё осталось.**’

Такое объяснение на первый взгляд кажется неудачным в случае с глаголами смены собственности типа *vǎžalaš* ‘продать’: эти глаголы обладают атомарной референцией и по идее должны сочетаться с *šuaš* без ограничений, но, тем не менее, согласно [Кашкин 2018b], атомарные контексты оказываются менее приемлемыми². Однако этому есть объяснение: согласно [Ramchand 2008], в дефолтном случае позицию Претерпевающего (и Носителя результирующего состояния) у битранзитивных глаголов занимает не тема, а бенефициар. Сама же тема занимает позицию компонента результирующего состояния. Вероятно, лёгкий глагол *šuaš* «смотрит» только на дополнение в аккузативе, и Претерпевающий в дативе его не устраивает — отсюда и происходит крах деривации.

Однако почему тогда глаголы типа *vǎžalaš* ‘продать’ лучше сочетаются с *šuaš* при условии множественности объекта-темы? Наше объяснение состоит в следующем: конфигурация, в которой роль Претерпевающего занимает именно бенефициар — не единственно возможная. Как отмечается в той же работе [Ramchand 2008], у битранзитивных глаголов есть и другая конфигурация, в которой Претерпевающим становится как раз тема, а бенефициар находится в Реме *res*. Такая конфигурация как раз оказывается предпочтительнее в случае полноты охвата: предел процесса определяется не исчерпанностью бенефициаров, а исчерпанностью множества объектов смены принадлежности, соответственно, объект-тема оказывается более затронут.

² Автор выражает благодарность П. М. Аркадьеву, указавшему на эту проблему.

Заметим, что в нашей формулировке селективных ограничений телисизатора *šuaš* ‘бросить’ ничего не сказано о временной соотнесённости атомарных подсобытий друг с другом. Мы намеренно избегаем такого уточнения, поскольку сложные глаголы с *šuaš* могут описывать в том числе и события, происходящие одновременно. В качестве доказательства приведём наглядный пример из статьи [Кашкин 2018b: 124–125]:

(18) a. *kečä măčkă pazar-âstâ âl-ân-am, cilä olma-m*
 день по базар-IN быть-PRF-1SG все яблоко-ACC

văžal-en šu-en-äm
 продавать-CVB бросить-PRF-1SG

‘Я целый день была на рынке, **распродала** все яблоки.’

b. *măn' cilä olma-m vas'a-lan*
 я все яблоко-ACC Вася-DAT

văžal-en šu-en-äm
 продавать-CVB бросить-PRF-1SG

‘Я **продала** все яблоки Васе.’

Разберём эти предложения подробнее. Первое из них описывает ситуацию, состоящую из нескольких разнесённых во времени атомарных подсобытий продажи яблока. Все требуемые условия соблюдаются: атомарные подсобытия аналогичны друг другу и каждое из них уменьшает состав яблок на одну штуку, а в конце не остаётся ни одного яблока, которое можно было бы продать. Как явствует из работы, второе предложение описывает аналогичную ситуацию, но все яблоки продаются в одно и то же время и одному и тому же человеку. Однако наш анализ способен объяснить и такие примеры. В самом деле, несмотря на то, что ситуация продажи яблок ментальна или близка к таковой, её можно представить в виде суммы одновременных подсобытий продажи каждого из яблок, причём останется верным, что каждое из яблок продаётся сходным образом и что смена собственности каждого из яблок уменьшает множество яблок агентивного участника ровно на один фрукт. В ситуации, когда яблоки продаются Васе скопом, например, в пакете, в качестве e_n можно выбрать любое из подсобытий смены яблоками собственности — главное, что невозможно событие e_{n+1} , предполагающее продажу ещё одного яблока.

Наш анализ предсказывает и сочетаемость телесизатора *šuaš* с глаголами, обозначающими моментальное вхождение в состояние, то есть пунктивными или антиинкрементальными глаголами уничтожения и разрушения объекта. Так, верно, что изменение состояния, описываемое пунктивным глаголом *puštaš* ‘убить’, происходит моментально, и после его осуществления повторное воздействие такого рода над тем же объектом уже невозможно.

Наш анализ предсказывает наличие двух значений у сложных глаголов от некоторых глаголов уничтожения (примеры взяты из [Кашкин 2018b: 124]):

(19) a. *vas'a t'etrad' l'ist-əm kok-t-eš*
 Вася тетрадь лист-ACC два-FULL-LAT

kāšked-∅ šu-en

рвать-CVB бросить-PRF[.3SG]

‘Вася **разорвал** тетрадный лист **пополам**.’

b. *vas'a t'etrad' l'ist-əm tġgādā laštġk-vlġ-eš*
 Вася тетрадь лист-ACC мелкий кусок-PL-LAT

kāšked-∅ šu-en

рвать-CVB бросить-PRF[.3SG]

‘Вася **разорвал** тетрадный лист **на мелкие кусочки**.’

Первое значение, представленное в (19a), представляет из себя атомарное подсобытие рвания, в ходе которого листок тетради вошёл в необратимое состояние нарушенной целостности. Второе, представленное в (19b), описывает ситуацию, состоящую из цепочки атомарных рваний листка, которая кульминировала в тот момент, когда стало невозможно делить части листа на более мелкие части — и тоже наступило необратимое состояние, только в этот раз оно представляет из себя исчерпание потенциала бывшего листа бумаги делиться на части.

Потенциальной проблемой для нашего анализа является то, что лёгкий глагол *šuaš* как минимум в некоторых идиолектах сочетается с глаголами потенциально длительного воздействия агенса на объект типа *jġlataš* ‘сжечь’ и *šġlataš* ‘растопить’. Действительно, эти глаголы описывают события, которые чаще всего не моментальны, однако верно ли, что они при этом не атомарны? Можно заметить, что эти два глагола имеют в своей

структуре события Претерпевающего — инкрементальную тему [Татево-сов 2015], исчезающего в ходе процессуального подсобытия, причём конечная точка процессуального подсобытия определяется моментом исчезновения объекта. Интересно, что для некоторых носителей есть контраст между примерами (20a) и (20b):

- (20) a. *vas'a i-m šāl-at-en šu-en*
 Вася лёд-ACC таять-TR-CVB бросить-PRF[.3SG]
 'Вася растопил лёд.'
- b. [?]*vas'a paj-âm šāl-at-en šu-en*
 Вася мясо-ACC таять-TR-CVB бросить-PRF[.3SG]
 'Вася разморозил мясо.'

Существенное отличие примера (20b) от (20a) состоит в том, что объект уже не является инкрементальной темой: после кульминации процесса мясо не исчезает, а лишь обретает свойство 'быть размороженным'. В таком случае предел события определяется не внутри процессуального подсобытия, а в момент достижения этого состояния — и процессуальное подсобытие перестаёт быть атомарным в нашем понимании. Похожим образом, вероятно, можно объяснить и сочетаемость *šuaš* с инкрементальными глаголами удаления типа *jogtaraš* 'вылить': предел действия задаётся не вхождением в состояние «быть вылитой», а мереологическими свойствами воды.

Такие селективные ограничения, которые в рамках нашего анализа требует глагол *šuaš*, конечно, выглядят на первый взгляд неестественно сложными и потому надуманными. Однако, если мы сравним эти структурные требования с ситуацией собственно бросания, многое станет гораздо более понятным и естественным.

Так, глагол *šuaš* обозначает ситуацию БРОСАТЬ. Согласно [Мордашова 2017], глагол *šuaš* может задавать только единственный бросок, а серию бросков описывает глагол *käškäš* (пример взят из [ibid.: 1]):

- (21) a. *anž-âšâ art'ist vâkâ pomidor-âm*
 смотреть-PTCP.ACT артист на-ILL2 помидор-ACC
- šu-š* / **käšk-äš*
 бросить-AOR[.3SG] бросать-AOR[.3SG]
 'Зритель бросил в артиста помидор.'

b. *anžā-šā* *art'ist* *väkä* *pomidor-vlä-m*
 смотреть-ATTR артист на помидор-PL-ACC

käšk-äš / **šu-š*
 бросать-AOR[.3SG] бросить-AOR[.3SG]

‘Зритель **бросал** в артиста помидоры.’

c. *ärvezä-vlä* *okn'a* *gäc* *mānā-vlä-m* *käšk-en-ät*
 мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC бросать-PRF-3PL

‘Мальчики **бросали** яйца из окна.’

d. *ärvezä-vlä* *okn'a* *gäc* *mānā-vlä-m* *šu-en-ät*
 мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC бросить-PRF-3PL

‘Мальчики **бросили** яйца из окна (все разом).’

Однако приведённые примеры, на наш взгляд, не доказывают строго, что глагол *šuaš* не используется при описании множественного броска. Примеры (21a) и (21b) отличаются не только по параметру количества бросков, но и, судя по переводу, по параметру предельности³. Как отмечает сам автор, глаголы *käškäš* и *šuaš* отличаются по своим акциональным характеристикам: глагол *käškäš* относится к акциональному классу <P, P>, а глагол *šuaš* — к акциональному классу <ES, P> в понимании [Татевосов 2015]. Примеры (21c) и (21d) приводятся без дополнительных языковых средств, блокирующих альтернативные сценарии.

Согласно нашим собственным данным, в большинстве идиолектов глагол *šuaš* способен описывать множественные броски, если задать контекст с очевидно предельной интерпретацией:

(22) *vas'a* *küer-vlä-m* *pačelä-pačelä* *väc* *minut-äštā*
 Вася камень-PL-ACC друг.за.другом 5 минута-IN

väd-äš *šu-en*
 вода-ILL бросить-PRF[.3SG]

‘Вася **бросил** камни друг за другом в воду за 5 минут.’

³ Мы исходим из предположения, что звёздочка над глаголом *šuaš* в примере (21b) означает, что этот глагол неприемлем при заданном переводе, а не в принципе в таком предложении. В противном случае трактовка примера противоречила бы логике автора, согласно которой бросание всех помидоров разом должно оставаться допустимым контекстом для *šuaš*.

Так, в примере (22) описывается ситуация, которая кульминирует в тот момент, когда кончается множество камней, которые может бросить человек — то есть, другими словами, в момент исчерпанности действия. Возможно, именно такие контексты, как в (22), и послужили источником для грамматикализации глагола *šuaš* в маркер полноты охвата.

Итак, если принять, что лексический глагол *šuaš* на самом деле может обозначать как один бросок, так и несколько, то можно предложить следующую гипотезу: атомарные подсобытия, наличия которых лёгкий глагол *šuaš* требует от лексических глаголов — это бывшие атомарные подсобытия бросков, утратившие свой идиосинкратический компонент значения.

Дополнительный аргумент в пользу нашей гипотезы — это разница в селективных ограничениях между лёгкими глаголами *šuaš* и *käškäš*⁴. Так, в статье [Кашкин 2018b] разбираются несколько контекстов, в которых селективные ограничения тезисизаторов различаются. Во-первых, согласно [Кашкин 2018b], в отличие от *šuaš*, *käškäš* не сочетается с пунктивными глаголами разрушения при условии единственности объекта [ibid.: 124]:

- (23) a. *püergä* *pī-m*
 мужик собака-ACC
- pušt-en* *šu-en* / **pušt-en* *käšk-en*
 убить-CVB бросить-PRF[.3SG] убить-CVB бросать-PRF[.3SG]
- ‘Мужик убил собаку.’
- b. *püergä* *pī* *part’ä-m*
 мужик собака стая-ACC
- pušt-en* *šu-en* / *pušt-en* *käšk-en*
 убить-CVB бросить-PRF[.3SG] убить-CVB бросать-PRF[.3SG]
- ‘Мужик убил стаю собак.’

Во-вторых, *käškäš* реагирует не только на множественность объекта, но и на множественность ситуации, поэтому он не сочетается с глаголами уничтожения, если эксплицитно указано, что произошло деление на две части, поскольку это указывает на единичность атомарного подсобытия [Кашкин 2018b: 124]:

⁴ Напомним, что глагол *käškäš* ‘побросать’ также грамматикализировался в лёгкий глагол-телисизатор [Кашкин 2018b].

- (24) a. *vas'a polenä-m pele loš*
 Вася полено-ACC половина пополам

*šel-än šu-en / *šel-än kăšk-en*
 колоть-CVB бросить-PRF[.3SG] колоть-CVB бросать-PRF[.3SG]
 'Вася **расколол** полено **пополам**.'
- b. *vas'a polenä-m šukâ laštâk-eš*
 Вася полено-ACC много кусок-LAT

šel-än šu-en / šel-än kăšk-en
 колоть-CVB бросить-PRF[.3SG] колоть-CVB бросать-PRF[.3SG]
 'Вася **расколол** полено **на много частей**.'

Как отмечает и сам Е. В. Кашкин, различное поведение *šuaš* и *kăškăš* предсказывается различием в их исходных значениях: *šuaš* может обозначать единичный бросок, а *kăškăš* — только серию бросков, и поэтому для *kăškăš* важна семантика множественности, в результате чего телесизатор требует множественности объекта и результата. Для нашего анализа этот вывод полезен по следующей причине: возможность обозначать единичный бросок — это то, что не может *kăškăš*, но может *šuaš*. Тогда наша гипотеза о том, что атомарные события лёгкого глагола соответствуют одиночным броскам лексического глагола, предсказывает, что лёгкий глагол *kăškăš* не будет сочетаться с глаголами, состоящими из одного атомарного подсобытия, ограничившись только ситуациями, описывающими цепь атомарных событий — именно это, судя по данным из статьи [Кашкин 2018b], оказывается одним из важнейших отличий *kăškăš* от *šuaš*. Напоследок отметим, что такая разница между телесизаторами предсказывает, что оба телесизатора должны сочетаться с глаголами пассивной обработки и смены собственности в случае множественности участника, что соответствует действительности, см. примеры из [Кашкин 2018b: 123]:

- (25) a. *män' cilä ploška-m măšk-än kăšk-ăš-äm*
 я все плошка-ACC мыть-CVB бросать-AOR-1SG
 'Я **вымыла** все **плошки**.'
- b. *jel'cin cilä zavod-äm vâžal-en kăšk-en*
 Ельцин все завод-ACC продавать-CVB бросить-PRF[.3SG]
 'Ельцин **распродал** все **заводы**.'

Мы, разумеется, не собираемся предлагать в рамках данной работы анализ лёгкого глагола *käškäš*, тем более, что, согласно [Кашкин 2018b], множественность ситуации — не единственное, что определяет различия между двумя телисизаторами (см., например, рассуждение о том, что *käškäš* сочетается только с контролируруемыми предикатами, а также о невозможности *käškäš* сочетаться с глаголами созидания даже при условии множественности участника). Обращение к контекстам употребления *käškäš* нужно нам лишь для того, чтобы доказать, что атомарные события, представленные в структуре лёгкого глагола *šuaš* — это действительно «бывшие броски», задающие требование телисизатора к наличию у лексического глагола атомарной референции.

Свойство атомарной референции также позволяет нам построить альтернативный анализ лёгкого глагола без участия событийной вершины *res*. Так, можно предположить, что предельная интерпретация и значение полноты охвата, наблюдаемое у *šuaš* в контекстах событийной множественности, может следовать из инкрементальности множества Претерпевающих, а предельность в контекстах моментальных действий следует из того, что событие атомарно, то есть квантовано.

5. Заключение

Итак, в настоящей статье мы предложили структурно-событийный анализ лёгкого глагола *šuaš*, который способен предсказать как селективные ограничения телисизатора, так и семантику исчерпанности, которую вводит этот лёгкий глагол. Так, структура события *šuaš* состоит из событийных вершин *init* и *proc* с некорреферентными Инициатором и Претерпевающим, причём вершина *proc* задаёт процессуальное подсобытие с обязательной атомарной референцией. Также, по всей видимости, в структуре события лёгкого глагола *šuaš* есть событийная вершина *res* со значением исчерпанности Носителя результирующего состояния. Мы также допускаем альтернативный вариант анализа: событийной вершины *res* в структуре не представлено, а значение исчерпанности следует собственно из процессуального подсобытия.

Продолжая логику работы [Кашкин 2018b], мы постарались показать, что такое поведение лёгкого глагола *šuaš* не случайно и в значительной степени предсказывается устройством его лексического источника. Так, лексический глагол *šuaš*, как и его грамматикализованный вариант,

содержит событийные вершины *init* и *proc* с некорреферентными Инициатором и Претерпевающим, а требование к атомарной референции *proc* следует из того, что глагол обозначает серию из одного или нескольких атомарных подсобытий-бросков, которые с ходом грамматикализации утратили идиосинкратический компонент, но остались в структуре события. Наконец, лексический глагол *šuaš* 'бросить' также содержит в себе идею исчерпанности Претерпевающего: в случае с единственным броском это проявляется в необходимом изменении положения камня в пространстве, а в случае с множественным — в исчерпании множества доступных камней.

Условные обозначения и сокращения

1, 3 — лица; ACC — аккузатив; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; ATTR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; COM — комитатив; CVB — нейтральное деепричастие; DAT — датив; EL — элатив; EMPH — фокусная частица; FULL — полная форма; ILL — иллатив; ILL2 — второй (непродуктивный) иллатив; IN — инессив; INCH — инхоатив; LAT — латив; NMN.ACT — номинализация типа «имя действия»; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессив; PRF — перфект; PROP — проприетив; SG — единственное число; SMF — семельфактив; TR — транзитивизатор (непродуктивный контактный каузатив).

Литература

- Гращенко 2015 — Гращенко П.В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Grashchenkov P.V. *Tyurkskie konverby i serializatsiya: sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya* [Turkic converbs and serialization: Syntax, semantics and grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.]
- Голосов (в печати) — Голосов Ф.В. Лёгкие глаголы-телисизаторы горномарийского языка: грамматическая семантика и дистрибуция // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН XV*, 2, 2019. В печати. [Golosov F.V. *Legkie glagoly-telisizatory gornomariiskogo yazyka: grammaticheskaya semantika i distributsiya* [Telicizing light verbs: Semantics and distribution]. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Studies of RAS XV*, 2, 2019. In press.]
- Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006. [Lyutikova E.A., Tatevosov S.G., Ivanov M.Yu., Pazel'skaya A.G., Shluinskii A.B. *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke* [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow: IMLI RAN, 2006.]
- Кашкин 2018а — Кашкин Е.В. О семантике сложных глагольных комплексов в горномарийском языке: конструкции со значением достижения предела // Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». М.: Институт языкознания РАН, Канцлер, 2018. С. 110–129. [Kashkin E.V. *O semantike slozhnykh glagol'nykh kompleksov v gornomariiskom yazyke: konstruktsii so znacheniem dostizheniya predela* [On semantics of complex verb construc-

- tions in Hill Mari: Completive constructions] // Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statei po materialam Shestoi konferentsii-shkoly "Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh". Moscow: Institute of Linguistics RAS, Kantsler, 2018. Pp. 110–129.]
- Кашкин 2018b — Кашкин Е.В. К типологии семантического развития глаголов со значением 'бросать': данные горномарийского языка // Урало-алтайские исследования, №4, 2018. С. 112–129. [Kashkin E.V. K tipologii semanticheskogo razvitiya glagolov so znacheniem 'brosat': dannye gornomariiskogo yazyka [Towards the typology of semantic shifts undergone by verbs of throwing: Evidence from Hill Mari] // Ural-Altai Studies, №4, 2018. Pp. 112–129.]
- Мордашова 2017 — Мордашова Д.Д. Особенности лексико-семантического поля бросания в горномарийском языке (на материале говора с. Кузнецово) // Тезисы чтений к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (МГУ, 3–4 марта 2017 г.), 2017. [Mordashova D.D. Osobennosti leksiko-semanticheskogo polya brosaniya v gornomariiskom yazyke (na materiale govora s. Kuznetsovo) [Specifics of the lexical-semantical field of throwing in Hill Mari (based on the sub-dialect of the Kuznetsovo village)] // Proceedings of A. I. Kuznetsova Memorial Lectures (MSU, 3–4 March 2017), 2017.]
- Пенгитов и др. 1961 — Пенгитов И.Т., Галкин И.С., Исанбаев Н.И. и др. Современный марийский язык: морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. [Pengitov I.T., Galkin I.S., Isanbaev N.I. et al. Sovremennyi mariiskii yazyk: morfologiya [Modern Mari: Morphology]. Ioshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1961.]
- Татевосов 2015 — Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Tatevosov S.G. Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya [Actionality in lexicon and grammar. Verb and event structure]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015.]
- Чхайдзе 1960 — Чхайдзе М.П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. [Chkhaidze M.P. Sparennyye glagoly v mariiskom yazyke [Paired verbs in Mari]. Ioshkar-Ola: Mari Book Publishing House, 1960.]
- Bradley 2016 — Bradley J. Mari converb constructions: Productivity and regional variance. Doctoral Thesis. Wien: Universität Wien, 2016.
- Krifka 1989 — Krifka M. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics. Semantics and contextual expression. Bartsch R., van Benthem J., von Stechow P. (eds.). Dordrecht: Foris, 1989.
- Lambrecht 1994 — Lambrecht K. Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge university press, 1994.
- Ramchand 2008 — Ramchand G.C. Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax (Vol. 116). Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Rappaport-Hovav & Levin 1998 — Rappaport-Hovav M., Levin B. Building verb meanings. The projection of arguments: Lexical and compositional factors. Geuder W. (ed.). Stanford: CSLI Publications, 1998. Pp. 97–134.

Статья поступила в редакцию 15.11.2019

The article was received on 15.11.2019

Фёдор Валентинович Голосов

стажёр-исследователь, лаборатория по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Fedor V. Golosov

research assistant, Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics

golosovfv@gmail.com